

ОДВОРЯНИВАНИЕ РУССКОЙ БУРЖУАЗИИ В XVIII в.

Н. И. ПАВЛЕНКО

В XVIII столетии в сословном строе России протекал сложный процесс. С одной стороны нарушалась замкнутость некоторых сословий. Это выражалось в том, что дворяне, например, проявляли активность в занятиях, ранее несвойственных этому привилегированному сословию. Дворянина можно было встретить в списке владельцев мануфактур. Иной помещик не считал для себя зазорным заниматься торговлей, винокурением и даже откупам. Этим самым дворянство, или по крайней мере часть его, приспособлялось к развивавшимся буржуазным отношениям, меняло в известной мере свой социальный облик и разлагалось.

Но, с другой стороны, как бы вопреки отмеченному выше процессу наблюдалась консолидация дворянства, расширение и укрепление его сословных привилегий. Оба эти явления, на первый взгляд, исключают друг друга. В действительности, однако, отмеченное противоречие следует признать кажущимся.

Дворянство в XVIII в., особенно во второй его половине, перестало довольствоваться феодальной рентой и должно было искать дополнительных источников дохода в занятиях торговлей и промышленностью. Но на этом поприще дворяне не могли успешно конкурировать с купцами без мощной поддержки абсолютизма. Правительство поддерживало дворянское предпринимательство предоставлением дворянам новых привилегий: поместья были приравнены к вотчинам, для дворян установили ограниченный срок службы, а затем освободили их от нее, восстановили исключительное право дворян владеть крепостными крестьянами, объявили винокурение дворянской монополией и т. д.

Чем больше абсолютизм предоставлял привилегий дворянству, тем заманчивее было представителям других сословий проникнуть в его ряды. Однако дворянство, держась за эти привилегии, стремилось усложнить условия пополнения своих рядов выходцами из «подлых» сословий. Если в петровское время, когда дворянство переживало еще подъем, представителям прочих сословий были предоставлены более или менее широкие возможности для получения дворянского диплома, то во второй половине XVIII в., и в особенности в первой половине XIX в., доступ в ряды привилегированного сословия был чрезвычайно затруднен. В связи с этим в Уложенной комиссии городские депутаты в один голос требовали от правительства выполнения обещанного Регламентом Главного магистрата награждения «некоторым рангом» деятелей городского самоуправления¹.

¹ Сб. РИО, т. 43, стр. 239.

Верхушка буржуазии в лице мануфактуристов и крупных откупщиков все же прокладывала себе путь в дворянство, преодолевая при этом большие трудности.

Одворянивание русской буржуазии далеко не исчерпывается общеизвестными примерами превращения богатого тульского оружейника Никиты Антупеева в комиссара, а затем в нижегородского дворянина Никиту Демидова, или превращения выходца из Осташкова откупщика Саввы Собакина в коллежского асессора Савву Яковлева.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы дают возможность проследить, каким образом было получено дворянство представителями верхушки формировавшейся буржуазии в лице богатых откупщиков и промышленников, владельцев металлургических мануфактур. Первыми из тех, кто стал усиленно хлопотать о «награждении чином» среди владельцев металлургических заводов, были Осокины. Настойчивость Осокиных вполне объяснима. Во-первых, следуя примеру Демидовых, они раньше многих других купцов вложили свои капиталы в металлургию Урала, причем их промышленное хозяйство развивалось довольно-таки быстро. Но у Осокиных, во-вторых, были особые причины домогаться «награждения чином». Положение Осокиных, уроженцев дер. Еремеевой, расположенной в Балахонских вотчинах Троице-Сергиевской лавры, было более сложным, чем положение, например, тульских оружейников, ставших мануфактуристами. Хотя Осокины и были записаны в посад Балахны еще во время первой ревизии, но духовный феодал не отказывался от попыток урвать у богатых крестьян что-либо в свою пользу. Монастырские управители, жаловались Осокины, «в противность» берг-привилегии и указам, «завиствуя их заводам произведению по челобитью вышепомянутой вотчины крестьян чинят им нападки своими немалые убытки и прикащиков их берут под караул и держат в цепях в партикулярных делах».

Генерал-берг-директориум, обсуждавший просьбу Осокиных в конце 1740 г., возбудил ходатайство перед Кабинетом министров о том, чтобы «вышеписанных Осокиных, детей их, кои в одних домах живут с ними и по переписи мужеска полу душ за оным монастырем записаны по силе Берг-регламента и указа 1736 г. из подушного оклада и монастырских доходов уволить надлежит и ни в чем в том монастыре их не ведать, а платить им один положенной подушной оклад по купечеству в Балахонском уезде». Резолюцией Кабинета министров на это скромное предложение Генерал-берг-директориума, однако, не последовало, и Осокины продолжали оставаться в довольно странном положении, в котором отражалось противоречие эпохи. Они широко использовали на своих предприятиях труд приписных и посессионных крестьян, а также работных людей, отданных по указам и исключенных из подушного оклада, и в то же время сами находились в феодальной зависимости от монастыря и платили подушную подать. Не помогло и ходатайство В. Н. Татищева, писавшего об Осокиных, «что они к размножению заводов ревность и прилежность имеют».

Только в ответ на третью челобитную сенатским указом 3 сентября 1756 г. Петр Игнатьевич с сыном Иваном и Иван Гаврилович Осокины с их детьми «за тщательное рачительное в пользу государства тех их заводов произведение из-за Троицкой Сергиевой лавры ис крестьянства и из Балахонского посаду ис подушного платежа» были, наконец, включены. Заводовладельцам были пожалованы «чины медных и железных их заводов директорские»².

Конечно, Петр и Гавриил Осокины домогались не директорского чина, но так и умерли, не достигнув желаемого. Дворянское звание удалось

² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 741, лл. 181, 211; ф. Главного магистрата, д. 7857, лл. 1—4.

получить лишь представителю следующего поколения — Ивану Петровичу. В 1779 г. И. П. Осокину был присвоен чин майора, через два года — премьер-майора, в 1784 г. он был уволен в отставку подполковником. Эти чины И. П. Осокин заслужил не в казарме и не на поле брани.

Во второй половине XVIII в. происходила интенсивная колонизация Новороссийского края. Внутренних ресурсов для заселения этого богатого края не хватало, так как феодально-крепостнический строй России тормозил миграции населения. Правительство стало на путь привлечения в Новороссию иностранных колонистов, что стоило казне немалых средств. В этих условиях было решено часть расходов, связанных с переселением иностранных колонистов, переложить на частных лиц. В качестве вознаграждения за понесенные при этом издержки вербовщик и организатор переселения получал — в зависимости от числа переведенных колонистов — соответствующий воинский чин. Чтобы получить чин майора, надлежало переселить пригодных к службе 300 человек. Капитанский чин оценивался в два раза дешевле — в 150 человек, чин поручика — в 80 человек. Если переселялись не пригодные к военной службе люди, то число их удваивалось³. Таким образом, предоставление дворянского звания было поставлено на откровенно коммерческую ногу. Торговлей дворянскими чинами воспользовались некоторые представители буржуазии, в том числе и И. П. Осокин. Диплом и дворянский герб Осокины получили только в 1833 г.⁴

Небольшая по численности, но мощная по удельному весу в промышленном производстве группа заводовладельцев получила дворянские чины за заслуги в развитии непосредственно горнозаводской промышленности. Эту группу возглавляли Демидовы, первыми среди заводовладельцев ставшие дворянами. Но в нее, помимо Демидовых, входили Турчанинов, Твердышев, Мясников и, отчасти, Баташов.

К 1753 г., когда Алексей Федорович Турчанинов был пожалован имп. Елизаветой Петровной чином титулярного советника, он владел только одним Троицким медеплавильным заводом и соляными промыслами. Троицкий завод не принадлежал к числу крупных предприятий, его среднегодовая выплавка в 1750—1752 гг. составляла всего около 500 пуд. меди⁵, но Турчанинову удалось на нем образцово поставить производство медной посуды. Она-то и проложила Турчанинову путь к дворянству. Получив в подарок изделия Троицкого завода, имп. Елизавета Петровна велела пожаловать Турчанинову чин титулярного советника⁶. Этот чин не был достаточно солидным и давал только личное дворянство. Лишь в 1738 г., в возрасте 70 лет А. Ф. Турчанинов «за похвальные и благородные поступки, особливо же в 1773 и 1774 гг.» был потомственно возведен «в дворянское достоинство Российской империи» и в 1787 г. внесен в списки нижегородского дворянства. Заслуги Турчанинова в подавлении Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева были отражены даже на гербе. «В знак нашей императорской милости» на гербе Турчанинова было изображено орлиное крыло и «серебряная цапля, держащая в правой руке камень, в знак того, что он бдением своим учинил многие как нам, так и государству услуги»⁷.

Поведение Турчанинова в «наисмутнейшие времена», как позже Екатерина II охарактеризовала годы Крестьянской войны, отчетливо рисует расстановку классовых сил. Крупный промышленник Турчанинов, умноживший свои богатства за счет эксплуатации казенных заводов,

³ ПСЗ, т. XVI, № 12099, стр. 657, 666.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 26, д. 4306, лл. 2, 3, 44, 71.

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1153, л. 28.

⁶ Там же, кн. 30, л. 35 (сенатский указ от 30 января 1753 г.).

⁷ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 30, д. 3533, л. 2.

развил энергичную деятельность в борьбе с восставшими и мобилизовал все имевшиеся в его распоряжении ресурсы для подавления Крестьянской войны. В январе 1774 г. он остановил Сысертский, Полевский и Северский заводы, на свои средства соорудил вокруг них политые водою снежные валы, укрепил их рогатками и надолбами. Мастеровых и работных людей Турчанинов снабдил огнестрельным оружием. После этого он отправился в Соликамск, в районе которого находились его соляные промыслы. Город он укрепил рогатками и 24 пушками. В ход был пущен подкуп местного населения. Чтобы предотвратить выступление «соликамского гражданства» на стороне Пугачева, Турчанинов ссудил без взимания процентов 6000 руб. посадским людям, содержавшимся «под неисходным караулом» за казенные долги. За оборону Сысертского завода от отрядов Пугачева Турчанинов выдал работным и мастерским людям 1000 руб. наградных. Помимо этого, заводоуправитель снабжал командовавшего правительственными войсками генерал-аншефа Бибикова ценной информацией о действиях восставших, их передвижениях и т. д.⁸

Внук А. Ф. Турчанинова Александр Александрович закрепил свое дворянство браком с княжной Грузинской⁹.

Уральским промышленникам Ивану Борисовичу Твердышеву и Ивану Семеновичу Мясникову удалось получить потомственное дворянство в более краткий срок, чем Турчанинову. В доношении Твердышева в Берг-коллегию деловым тоном были перечислены заслуги промышленников перед дворянским государством и обоснованы права на включение в состав привилегированного сословия. Твердышев подчеркивал, что он «из всех прежде бывших до него рудокопных заводчиков в пустых, диких и от российских жилищ отдаленных местах в Оренбургской губернии, внутрь самой Башкирии явился первой охотник к заведению медных заводов». Более того, заводы были построены «собственным иждивением, без требования ссуды казенными деньгами и размножены, не имея в работу приписных государственных крестьян, как то дворянам Демидовым и прочим заводсодержателям многое число пожалованы». Преодолевая громадные трудности с обеспечением заводов рабочей силой, Твердышев со своим компаньоном Мясниковым добился таких результатов «во умножении меди», с которыми не мог сравниться ни один промышленник России, владевший заводами даже в более обжитых местах. Твердышев не преминул напомнить и о прошлых своих заслугах перед казной, а именно о том, что он при поставке провианта «против других подрядчиков в казну е. и. в. уступил более 21 тыс. рублей». Наконец, Твердышев подчеркнул немаловажный, с его точки зрения, политический момент, выразившийся в том, что им вместе с Мясниковым «для всякой безопасности и неприятельских нападений их же собственным иждивением построены надлежащие крепости и орудием и надлежащим числом пороха снабжены». Этой мерой, заявлял Твердышев, они обеспечили «в самое то опасное время», когда Башкирия была охвачена восстанием под предводительством Батырши, бесперебойную работу заводов, так что выплавление меди «против иных (заводчиков.— Н. П.) вдвое, а иных втрое и больше было». Берг-коллегия сочла просьбу промышленника убедительной и передала дело на рассмотрение Сената. Указом Сената 7 мая 1758 г. Иван и Яков Твердышевы, а также Иван Мясников были исключены из подушного оклада с пожалованием их «медных и железных их заводов директорами, как и об Осокиных определено». Сенат признавал также, что просители «достойны награждения для одобрения их к вящим таковым

⁸ ЦГВИА, ВУА, ф. Военной коллегии, оп. 47, д. 7, лл. 22—26. Выражаю признательность А. И. Андрущенко за это сообщение.

⁹ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 30, д. 3543, л. 14.

государству полезным предприятиям и придания прочим к тому охоты чинами коллежских ассессоров», о чем просил именного указа¹⁰. 30 сентября 1758 г. И. Б. Твердышев и И. С. Мясников «за тщательное ими оных заводов произведение и принесение казенной и государственной прибыли» были пожалованы императрицей коллежскими ассессорами¹¹. Симбирские купцы стали потомственными дворянами. Роды Твердышева и Мясникова по мужской линии пресеклись на новоиспеченных дворянах. У Твердышева не было детей, а Мясников имел четырех дочерей, которые вышли замуж за Козицкого, Пашкова, Дурасова и Бекетова. Богатое наследство симбирян оказалось в дворянских руках.

Заслуги в области развития промышленности послужили основанием для получения дворянства еще одному владельцу мануфактур — Афанасию Абрамовичу Гончарову. Первоначально А. А. Гончаров подвизался в легкой промышленности, и чин коллежского ассессора он получил в 1744 г. «за размножение и заведение парусных и бумажных фабрик», но он был основателем и ряда металлургических заводов¹².

Предоставление дворянских званий Турчанинову, Твердышеву, Мясникову и Гончарову за развитие промышленности послужило поводом для возбуждения аналогичных ходатайств со стороны других владельцев металлургических заводов: Мосолова, Красильникова и Баташова. Первоначально эти три промышленника, домогаясь дворянства, действовали сообща, и лишь после того, как убедились, что в таком деликатном деле коллективные представления не приносят ожидаемого результата, каждый из них стал пробиваться в дворянство самостоятельно.

В 1765 г. М. П. Мосолов, П. Л. Красильников и И. Р. Баташов обратились с просьбой, чтобы Берг-коллегия возбудила ходатайство об исключении их из подушного оклада и «награждении их против прочих заводчиков чинами». Авторы челобитной прежде всего просили оценить по достоинству их заслуги в развитии промышленности: ими были построены «внутри России и в Оренбургской губернии знатным капиталом многие медные и железные заводы». Челобитчики далее недвусмысленно намекали на свою фактическую близость к дворянскому сословию, на то, что они имели «в написании за собою по последним двум ревизиям в подушном окладе покупных нами к тем заводам людей и крестьян». Обратиться в Берг-коллегию с подобной просьбой вынудила их Оружейная канцелярия, которая требовала от промышленников уплаты двойного сорокаалтынного оклада и поставки вместо себя в Оружейную слободу людей из числа купленных крестьян. Изучив вопрос, Берг-коллегия сочла возможным в конце 1766 г. ходатайствовать перед Сенатом «в рассуждении довольно принесенного от них государству пользы и прибытка», о награждении заводчиков Мосоловых, Баташова и Красильникова чинами с исключением из подушного оклада.

Сведения о благосклонном отношении Берг-коллегии к просьбам Мосоловых, Баташова и Красильникова стали достоянием других промышленников, и некоторые из них спешно составили челобитные аналогичного содержания. Так, в феврале 1767 г. Берг-коллегия, в дополнение к ранее отправленным в Сенат представлениям о награждении промышленников «чинами», составила мотивированную просьбу о присвоении дворянского звания владельцам Тивдийского сталыного завода, расположенного в Олонецком крае: Ивану Бармину, Меркулу Шаргаеву, Федору Кухнову и Ивану Мартьянову. Перечисленные компаньоны лишь начинали свою карьеру в качестве промышленников, они владели небольшим предприятием по производству стали. Чтобы прось-

¹⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 35, лл. 125—126.

¹¹ Там же, л. 368.

¹² ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 19, д. 3036, лл. 1—2.

ба выглядела солиднее, заводоладельцы не поскупились на обещания проявить «рачение» в будущем: они сообщали и о том, что «возымали усердие при том заводе и косную фабрику построить», и о намерении построить медеплавильный завод, и о завершающемся строительстве доменного завода. Бармин, кроме того, подробно расписал свои прошлые заслуги в развитии внешней торговли на собственных кораблях и выполнении казенных подрядов по снабжению провиантом русской армии во время Семилетней войны.

Несмотря на то, что успехи олонечских промышленников относились к прошлому или могли быть достигнуты в будущем, Берг-коллегия все же обнаружила в деятельности компаньонов «ревностную охоту и прилежание», выразившееся в том, что они сталью собственного производства не только удовлетворили спрос внутреннего рынка, «а паче ж на монетный двор к делу штемпелей», но и начали ее экспортировать. На этом основании Берг-коллегия просила Сенат пожаловать чинами и этих просителей¹³.

Сенат рассматривал представление Берг-коллегии в июле 1767 г., и отказал в удовлетворении просьбы промышленников и ходатайства Берг-коллегии. Последней был даже сделан выговор, чтобы она «впредь в подобных делах осммотрительнее поступала и вышее место, как Правительствующий Сенат, излишнею перепискою не отягощала». Столь суровый упрек Сената, отбивший у Берг-коллегии охоту к подобного рода ходатайствам о подопечных промышленниках, отражал уступку правительства дворянству, единодушно выступившему с требованием затруднить доступ в ряды привилегированного сословия «подлородным» людям, о чем подробнее будет сказано ниже.

Постигшая тульских промышленников неудача показала им, что прямолинейные действия не всегда являются кратчайшим путем к достижению цели и что надлежит изыскивать иные средства для получения дворянского звания. Инициативу в поисках этих средств проявили братья Андрей и Иван Родионовичи Баташовы. Этому способствовала чрезвычайно выгодная конъюнктура, сложившаяся в стране в годы Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Делая ставку на укрепление своих связей в правительственных сферах, Баташовы согласились выполнять заказ казны, от которого, как они писали, «другие, сильнее нас заводчики отrekliсь».

Всячески афишируя свое «рачение к государственной и казенной пользе», Баташовы не забывали и своих личных интересов. Выполнение казенных подрядов и получение прибылей позволило Баташовым значительно увеличить размеры своего хозяйства введением в строй новых заводов. С идеей получить дворянское звание Баташовы не расставались и, пользуясь монопольным положением поставщиков артиллерийского вооружения, оказывали давление на казну, так как правильно считали, что в условиях военного времени казна будет более покладистой и пойдет на уступки. В своих доношениях они недвусмысленно намекали на то, что если правительство не удовлетворит их требований, то выполнение подрядов будет поставлено под угрозу. Они потребовали, чтобы вопреки указу о запрещении покупать ка заводам крестьян, им было разрешено в порядке исключения приобрести до 1200 душ, «чтоб для вящего поощрения» они были исключены из подушного оклада. «О прочем обещанном им награждении они представлять не дерзают, уповая, что милосердное правительства воззрение на их усердие и труды будет истинным их награждением»¹⁴.

Под «обещанным награждением» Баташовы подразумевали, конечно, диплом на дворянство, который они уповали получить, опираясь на

¹³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1250, лл. 216—298.

¹⁴ ЦГАДА. Госархив, Разряд XIX, д. 121, л. 2.

ходатайство Адмиралтейской коллегии. Об этом свидетельствует протокольная запись в Государственном совете от 17 декабря 1769 г., из которой следует, что Адмиралтейская коллегия выполнила свое обещание и просила Совет, «чтоб содержателя железных заводов Баташова, выключая из подушного оклада, пожаловать титулярным советником». Государственный совет счел рекомендуемую Адмиралтейской коллегией меру поощрения слишком щедрой и решил ограничиться выдачей Баташову похвального указа от Сената «за его усердие и ревность» с приложением серебряной кружки с соответствующей надписью¹⁵. Стали ли Баташovy обладателями благодарственного указа Сената и оказалась ли среди семейных реликвий серебряная чаша, у нас сведений нет. Достоверно, однако, известно, что и эта попытка обзавестись дворянским дипломом окончилась неудачей.

Вскоре после окончания Русско-турецкой войны Баташovy вновь начали хлопотать о дворянстве. На этот раз они решили добиваться не получения дворянского звания, а «восстановления» его. Эту идею им подсказал, видимо, сенатский секретарь Е. В. Рознатовский, прекрасно ориентировавшийся в дебрях приказного и современного ему делопроизводства¹⁶.

Впервые мысль о восстановлении дворянского звания осенила не Баташова, а, насколько нам известно, предприимчивого армянского купца Лазаря Лазарева и владельцев полотняной и хрустальной фабрик Фому и Акима Мальцевых¹⁷.

В жалованной грамоте на дворянское звание, выданной Лазареву 3 октября 1766 г., сказано, что Лазарь Лазарев «произошел от благородной в Армении фамилии», что засвидетельствовано грузинским царем Теймуразом и армянским патриархом. Предок Лазарева будто бы был княжеского рода, при шахе Аббасе I он переселился в Иран. Грамота пытается объяснить превращение знатного предка Лазарева в купца, — оказывается, склонность к купеческим занятиям была у него вызвана «долговременной праздностью». Один из предков Лазарева при шахе Аббасе II «был главным начальником над монетным персидским двором и хранителем сокровищ», а сам Лазарь Лазарев при Надир-шахе «был употребляем во многие комиссии, даже был начальником в управлении города Жулфы», откуда он «по замешательству и опасности» выехал в Россию. Надо полагать, что должность начальника монетного двора и хранителя шахских сокровищ позволила прибыть Лазаревым в Россию не с пустыми руками. Старший сын Лазарева Иван в 1764 г. был пожалован придворным ювелиром, а вся семья Лазаревых 20 мая 1774 г. была возведена в дворянское достоинство¹⁸.

Лазаревы принадлежали к числу богатейших купцов России. Кн. М. М. Щербатов определял оборот Лазаревых в 500 тыс. руб. в год. В 1771 г. Иван Лазарев стал арендатором всего промышленного хозяйства, принадлежавшего Александру Сергеевичу Строганову. По условиям контракта Строганов сдал в аренду Новоусольские, Ленвенские, Зырянские и Чусовские соляные промыслы, а также Билимбаев-

¹⁵ Архив Государственного Совета, т. 1, ч. 2, СПб., 1869, стб. 325.

¹⁶ Сохранившаяся во Владимирском областном архиве переписка между А. Р. Баташовым и Е. В. Рознатовским свидетельствует о том, что последний помогал богатым промышленникам, — однако, не бескорыстно. В письме от 9 февраля 1775 г. к А. Р. Баташову Рознатовский рассуждал о бедности — злой «в жизни моей спутнице» и тут же, как бы мимоходом, сообщал, что он нашел в Петербурге дом стоимостью в 7—8 тыс. руб., которого он не может купить из-за отсутствия средств, но был бы не прочь жить в нем, если его приобретет Баташов (Государственный архив Владимирской области (ГАВО), ф. Баташовых, д. 34. Пользуюсь случаем поблагодарить К. К. Демиховского за материал из ГАВО).

¹⁷ Последний являлся депутатом в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. от орловского купечества. Сб. РИО, т. 144, стр. 442.

¹⁸ ЦГИА.7, ф. Департамента герольдии, оп. 24, д. 275, лл. 4—5.

ский, Домрянский и Очерский металлургические заводы с 7617 д. м. п. крестьян сроком на 6 лет за 40 тыс. арендной платы в год. Операция с арендой, видимо, была весьма прибыльной, ибо Иван Лазарев по истечении ее срока, в 1778 г., пожелал стать заводовладельцем и купил у Строгановых Чермосский завод с 7142 д. м. п. за 450 тыс. руб.¹⁹

Вслед за Лазаревым 14 августа 1775 г. дворянское звание «восстановили» Мальцевы. Свое дворянское происхождение они подкрепили ссылкой на то, что их прапрадед Богдан Афанасьев был поверстан в службу по городу Чернигову, а прадед и дед «по довольному своему капиталу» занимались торговлей, что и послужило основанием для записи их в подушный оклад.

Связь «восстановления» Мальцевых в дворянском достоинстве с последующими действиями Баташовых несомненна. Первые шаги, предпринятые Баташовыми в этом направлении, относятся именно к 1775 г., т. е. к году, когда решался и решился вопрос о Мальцевых. Баташовы собирали соответствующий материал в течение 7 лет, что свидетельствует о тщательности подготовки к реализации задуманного ими плана.

В 1782 г. Сенат рассматривал челобитье Андрея и Ивана Баташовых о восстановлении их в дворянском звании. Челобитье было подкреплено генеалогической справкой из Разрядного архива, а также показаниями 46 дворянских фамилий о том, что Баташовы происходили из дворянского рода. Генеалогическое древо Баташовых, согласно этой справке, пустило корни в 1622 г. Происхождение и положение ближайших к просителям пяти предков не вызывает сомнений. Они проходили по Тульской оружейной слободе. Справка архива, однако, не разъяснила, как потомки дворянина оказались среди тульских оружейников.

Закулисную сторону подготовки справки в Разрядном архиве раскрывает частное письмо А. Р. Баташова (12 августа 1780 г.) к родственнику Аврааму Федоровичу Баташову, непосредственно общавшемуся с архивариусами. Автор письма рекомендовал адресату проявить обходительность с архивариусами, не останавливаться перед подкупом — «издержать хотя небольшое», чтобы они «противного не намарали» и «не напутали излишества, и чтоб еще не завязали дальнейших справок и о других, что будет бесконечно». Так, путем несложной комбинации дворянин «Иван Андреев сын Баташов» был объявлен предком заводо-владельцев.

Происхождение Баташовых «от колена Ивана Андреева» подтвердили 46 генералов, штаб- и обер-офицеров, среди них инженер-генерал-поручик Илья Бибилов, генерал-поручик и сенатор Алексей Ступичин, генерал-поручик Сергей Салтыков и другие. Подписи помогал собирать Баташову все тот же Рознатовский. Это видно из письма, отправленного Баташовым Рознатовскому 1 октября 1778 г., в котором он сообщал, что собрал 33 подписи, а «теперь, батинька, осталось трудиться вам»²⁰.

Перечисленные доказательства Сенат счел «достаточными» и ходатайствовал перед императрицей, чтобы Андрея и Ивана Баташовых «потомственно с детьми восстановить в первобытных предка их дворянское достоинство». Екатерина II согласилась с мнением Сената. 18 января 1783 г. братья Баташовы были «восстановлены» в дворянском звании²¹.

Получение дворянских званий остальными представителями рода Баташовых уже не было сопряжено с такими мытарствами, которые выпали на долю Андрея и Ивана. В течение многих лет их родственники терпеливо ожидали исхода дела и ни в каких инстанциях официально не заявляли о своих правах на дворянство. Как только Андрей

¹⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 48, лл. 44, 49; кн. 1370, лл. 244—245.

²⁰ ГАВО, ф. Баташовых, д. 12.

²¹ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 17, д. 1528, л. 13.

и Иван выиграли дело, в дворянские собрания посыпались заявления от прочих представителей промышленной династии Баташовых, что они являются их родственниками. В 1789 г. диплом на потомственное дворянство получили Александр и Авраам Баташовы, затем Михаил и Прокофий²².

Спустя два года после получения дворянства Баташовыми, в 1785 г. с аналогичной просьбой обратился Антипа Максимович Мосолов. Он шел к цели проторенным путем и, казалось, должен был достичь ее с меньшими усилиями. К предстоявшей процедуре обсуждения вопроса о восстановлении поправленных дворянских прав Мосоловы представили дворянскому собранию Калужского наместничества следующие документы: справку из Разрядного архива о родословной фамилии Мосоловых, свидетельства «знатных персон», подтверждавшие дворянское достоинство предков просителей, и, наконец, свидетельства шести дворян — однофамильцев Мосоловых, удостоверявшие, что просители являются их родственниками.

Справку Разрядного архива Мосолов подкрепил свидетельствами обер-камергера Ивана Шувалова, генерал-майора Андрея Лезандинова, бригадира Алексея Хрушова, полковника кн. Василия Долгорукова и еще 42 «персон» рангами помельче, которые подтвердили, что его предки «вели благородную жизнь и службу дворянскую». Подписи 46 дворян Мосолов собрал для вящей убедительности, так как по Жалованной грамоте дворянству достаточно было свидетельства «12 человек благородных»²³.

Из справки, выданной Разрядным архивом, явствует, что Мосоловы ведут свой род со второй половины XVI в. от сына боярского Фоки Сидорова сына Мосолова, которого они считали своим пращуром. Генеалогическое древо Мосоловых, взращенное архивариусами Разрядного архива, развивалось без особенных отклонений вплоть до последней трети XVII в., когда один из предков просителя оказался в списке «тульских стрельцов и пушкарей, казенных кузнецов и замочников и станочников». Это трудно объяснимое превращение служилого человека по отчеству в казенного кузнеца доставило затем немало неприятностей Антипе Мосолову, который выдавал себя за праправнука дворянина Тимофея Мосолова.

13 марта 1788 г. дворянское собрание Калужской губернии, куда поступили перечисленные выше документы, нашло представленные Мосоловым доказательства своего дворянского происхождения вполне убедительными и определило «оних разных заводов содержателей Мосоловых внести в дворянскую родословную книгу приличную часть и дать роду их грамоту». Казалось, что впереди остались пустые формальности и ничто уже не препятствовало получению диплома на дворянство. В действительности, однако, Мосоловых ожидало еще немало неприятностей.

Каким путем Мосоловым удалось обрести новых родственников из дворян, а также добыть документы, удостоверяющие их дворянское происхождение, в делопроизводстве Департамента герольдии, разумеется, сведений нет. Можно лишь строить догадки, что это деликатное дело стоило Мосоловым немалых затрат. Быть может куш, предложенный заводладельцами статскому советнику Алексею Андреевичу Мосолову, был недостаточно солидным, чтобы, позарившись на него, можно было уронить дворянское достоинство признанием потомков тульских кузнецов своими родственниками, происходившими от одного предка, а может быть, промышленники и не обращались к нему с соответствующей

²² Государственный архив Калужской области, ф. Калужского дворянского депутатского собрания, д. 13, лл. 8—17.

²³ ПСЗ, т. XXII, № 17187, стр. 355.

шей просьбой, но через два месяца после вынесения решения дворянским собранием предводитель дворянства Калужской губернии получил заявление, поставившее под сомнение всю затею искателей диплома на потомственное дворянство. Автор этого заявления А. А. Мосолов утверждал, что Мосоловы-промышленники «состоят не из дворян» на том основании: 1) «что предок дворянин Тимофей Фокинов сын Мосолов, который с протчими 5-ю родными своими братьями службу служил, а оне заводчики поставляют его, Тимофея, прапрадедом, умер бездетен»; 2) «что Григорей Мосолов, прадед заводчикам, сошедший в прошлых давних годах в город Тулу, не был сын Тимофеев, а был тульской кузнец». Свое заявление А. А. Мосолов закончил просьбой, «чтоб 6-ти персонам, родственникам же его, утверждающим от Тимофея Фокова сына Мосолова по нисходящей линии происхождение заводчиков Мосоловых и признающим оных точно за своих родственников, как несведущих о вышепредписанных обстоятельствах не верить».

Дворянское собрание, чтобы «в столь деликатной материи» изыскать истину, отправило через Герольдмейстерскую контору дополнительный запрос Разрядному архиву, «были ль дети у Тимофея Фокина сына». Однако бумага, полученная из Разрядного архива, по существу, не ответила на вопрос и не сообщала новых данных. Тем не менее 24 мая 1790 г. дворянское собрание, ссылаясь на свидетельства 46 «персон» и шести дворян Мосоловых, объявивших себя родственниками заводоладельцев, утвердило последних в «дворянском наследственном и непоколебимом в роды родов достоинстве». Многочисленные представители горнорудной фамилии Мосоловых были внесены в родословные дворянские книги по Нижегородской, Тульской, Уфимской, Рязанской и Калужской губерниям²⁴.

Действия Баташовых и особенно Мосоловых, а быть может, и Мальцевых не относились к числу редчайших явлений. Примененные ими способы обзаведения дворянским гербом были настолько распространены, что уже в конце 60-х годов XVIII в. поддавались обобщению. Так, депутат в Уложенную комиссию от Оболенского дворянства Михаил Глазов в одном из своих выступлений изложил в общем такую же схему действий соискателей дворянских званий, которой воспользовался, например, Мосолов. По сведениям, которыми располагал М. Глазов, многие из соискателей дворянских званий «присоединяли себя к другим дворянским фамилиям, доставляя о себе по проискам из Разрядного приказа справки, по которым можно было бы прибрать одну фамилию к другой; потом отыскав кого-либо из той дворянской фамилии самого последнего человека, мота и нехранителя чести своего звания, уговаривали его ту справку подписать с засвидетельствованием, что те отыскивающие дворянство действительно происходят из дворян и состоят с ними в близком родстве, хотя настоящая фамилия их и не знает и никогда причесть их в свой род не может»²⁵.

Представители третьей фамилии, претендовавшей в 1765 г. получить «чин», — Красильниковы — были победнее Баташовых и Мосоловых и не могли «организовать» себе дворянских предков. Тем не менее к концу 80-х годов XVIII в. одному из Красильниковых все же удалось получить диплом на дворянство. В отличие от Баташовых и Мосоловых, деятельные представители которых проложили путь к дворянству всему своему роду, каждый из Красильниковых действовал изолированно, поэтому в списке заводоладельцев конца XVIII в. сословное место представителей рода Красильниковых было неодинаковым. Николай Красильников числился просто заводчиком. Это значит, что он платил

²⁴ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 25, д. 2027, лл. 2—4, 32—59; д. 5871, лл. 22—44.

²⁵ Сб. РИО, т. 4, стр. 212.

подушную подать и на языке того времени относился к «подлому» народу. Большого достиг Семен Красильников, получивший чин коллежского комиссара, равнозначный директорскому чину. Петр Григорьевич Красильников в январе 1790 г. был зачислен в дворянскую родословную книгу по Уфимской губернии. П. Г. Красильников добыл дворянское звание широко распространенным во второй половине XVIII в. способом — службой в гвардии, причем поступление в гвардейский полк носило откровенно утилитарный характер. Так, П. Г. Красильников поступил в лейбгвардию в 1786 г., 1 января следующего года он был произведен в прапорщики и немедленно ушел в отставку. 8 декабря 1789 г. он уже в качестве отставного прапорщика подал заявление о зачислении его в «благородное достоинство». Хотя чин прапорщика давал право на потомственное дворянство, Красильникову почему-то не удалось закрепить дворянство за своими потомками, несмотря на то, что он в этом отношении предпринял еще один шаг — женился на княжне Н. В. Мансыровой²⁶.

Служба в армии с целью получения чинов и дворянского герба была наиболее доступным средством одворянивания. Главное преимущество этого способа состояло в том, что цель достигалась при минимальных денежных затратах.

Служба в армии доставила дворянское звание Ефиму Ефимовичу Ширяеву, владельцу двух Шайтанских заводов. Его отец, Ефим Алексеевич Ширяев, был гороховецким купцом. Сын купца провел в гвардейской казарме не несколько месяцев, как П. Г. Красильников, а восемь лет, и в январе 1796 г. был выпущен в армию поручиком, после чего около двух лет служил в Рыльском мушкетерском полку. Е. Е. Ширяев и его дети в 1817 г. были внесены в родословную книгу дворян Владимирской губернии. Двоюродный брат Е. Е. Ширяева Александр Сергеевич Ширяев в 1804 г. числился майором в отставке²⁷.

Основатель Инсарского металлургического завода Андрей Максимович Никонов так и умер «заводосодержателем», а его сыновьям уже удалось заполучить дипломы на дворянство: Сергей по ведомости 1797 г. значился поручиком, а Александр в 1801 г. числился титулярным советником²⁸.

Заводосодержателем в 1781 г. умер даже такой богач, как Максим Походяшин, но он дал превосходное образование своим двум сыновьям и расчистил им путь в дворянство: Григорий в 1774 г. поступил в Преображенский полк, в 1783 г. имел чин поручика, в 1786 г. — капитана, уволился в отставку премьер-майором; Николай занимал должность провиантмейстера²⁹.

Сын владельца Ирбинского завода московского купца Савельева Иван Иванович Савельев в 90-х годах XVIII в. имел чин поручика³⁰.

Некоторым представителям промышленных фамилий удавалось получить дворянское звание только в третьем поколении. Так, капитаны Ларион и Николай Максимовичи Лугинины были записаны в родословную книгу дворян Тульской губернии в 1792 г. Оба они начали службу в лейбгвардии сержантами и в 1785 г. были пожалованы армейскими капитанами³¹. Дед и отец новоиспеченных капитанов считались тульскими купцами и владельцами пяти металлургических заводов.

Андрей Герасимович Глазов, сын симбирского купца и основателя Богословского медеплавильного завода, достиг минимальных успехов в служебной карьере, закончив свой жизненный путь в звании корнета.

²⁶ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 19, д. 8400, лл. 5—8, 19, 20.

²⁷ Там же, оп. 33, д. 1765, лл. 2, 6, 7; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2675, л. 227.

²⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2291, л. 171.

²⁹ М. Н. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, стр. 236.

³⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2619, лл. 147—148.

³¹ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 24, д. 3064, лл. 1, 3.

Сыновья корнета Глазова пошли значительно дальше. В 1802 г. А. Г. Глазов оформил завещание своим сыновьям. Наследниками завода оказались отставной коллежский асессор Петр, капитан Иван и нигде не служивший Александр Глазовы³².

Немаловажную роль в одворянивании фамилий промышленников играли брачные союзы. Отставные капитаны, майоры и даже бригадиры охотно женились на вдовах и дочерях промышленников в надежде получить богатое приданое. Марья Сидоровна Рюмина, оказавшись вдовой, вышла замуж за кн. Килдишева. Дочь Панкрата Рюмина Пелагея в документах 70-х годов XVIII в. фигурирует в качестве супруги отставного капитана Преображенского полка Михаила Балужева³³. Акинья Артемьевна Маленкова, дочь владельца Берсудского завода, превратилась в капитаншу Аристову³⁴. Дочь гостиной сотни Алексея Чирьева Матрена наследовала Истинский завод и стала супругой секунд-майора Александра Михайловича Шувалова. Впрочем, Чирьевы одворяниваются и по мужской линии. Дядя Матрены Шуваловой Алексей Григорьевич Чирьев в середине XVIII в. имел звание отставного секунд-майора³⁵.

Среди заводовладельцев конца XVIII в. появилась новая фигура — именитый гражданин Михаил Губин. Подобно большинству промышленников, Губины одворянились во втором поколении, правда, уже в середине XIX в. Путь Губина к дворянству имеет специфические особенности: основным средством, к которому Павел Михайлович Губин, сын именитого гражданина, периодически прибегал при достижении заветной цели, была щедрая благотворительность, главным образом в пользу московского Елизаветинского училища. В конечном счете, в 1845 г. Губину было пожаловано потомственное дворянство³⁶.

Новое дворянство не жалело средств, чтобы утвердить себя в рядах привилегированного сословия. Подражая знатым вельможам, промышленники строили богатые дома, обзаводились многочисленной прислугой, псовой охотой, оркестрами.

Роскошь усадеб некоторых промышленников, получивших дворянство, поражала даже выдавших виды современников. Дворянское гнездо асессор Баташов свил на Гусевском заводе. Здесь трехэтажный особняк промышленника был отделан, по замечанию А. Ярцова, «весьма богатою рукою». Но более всего Ярцов восхищался оранжереей, тоже трехэтажной, длиною около полутора верст. На первом этаже были посажены лимонные и померанцевые деревья, грецкие орехи и цветы. Второй этаж был отведен под персиковые, абрикосовые и вишневые деревья. На третьем этаже выращивался виноград. Грандиозной по размерам оранжерея с субтропическим садом могли позавидовать богатейшие люди Европы. «А по сему,— резюмировал Ярцов,— едва ли какой европейский иностранный князь может таковым заведением равняться с сим русским заводчиком Баташовым»³⁷.

С не меньшим блеском жили Гончаровы. Воспитывавшийся вместе с сыном Афанасия Николаевича Гончарова Апполинарий Петрович Бутенев в своих «Воспоминаниях» отметил, что у Гончаровых «барская обстановка была поставлена на очень широкую ногу». Бутенев поражался многочисленным составом прислуги, обслуживавшей семью барина, состоящую из трех человек, а также наличием трех окрестров: духового, струнного, роговой музыки. К услугам многочисленных гостей

³² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2303, л. 681.

³³ Там же, кн. 2126, л. 77.

³⁴ Там же, кн. 1370, л. 123.

³⁵ Там же, д. 150, л. 1.

³⁶ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 19, д. 5225, лл. 3—7, 32, 51—52.

³⁷ Аникита Ярцов. Российская горная история, ч. 2, Машинописная копия рукописи, любезно предоставленная автору В. К. Яцунским.

было множество экипажей, псарни для охоты. Дом для гостей был открыт почти ежедневно, причем, их «принимали так, чтобы им захотелось приехать в другой раз»³⁸.

А. Ф. Турчанинов мог похвастаться не только превосходной оранжереей, где выращивалось множество ананасов, но и минералогическим кабинетом с богатейшей коллекцией малахитов. Внешний лоск домашней обстановки дополнялся роскошной библиотекой. В. С. Хвостов, посетивший дом Турчанинова в Екатеринбурге около 1779 г. считал, что библиотека имела чисто декоративное назначение и ею не пользовались не только владелец дома, но и его наследники, по существу не приобщившиеся к духовной культуре. Хвостов не без иронии заметил, что когда настал черед делить библиотеку между тремя наследниками, то каждый из них брал с полки третью книгу. В итоге были разрознены хранившиеся в библиотеке сочинения как русских, так и иностранных авторов³⁹.

Иные из одворянившихся промышленников сумели приобрести не только внешний лоск, прикрывавший убожество духовной жизни владельца колоссальных богатств, но и подняться до вершин русской культуры XVIII в. К их числу принадлежал Иван Петрович Осокин. Страсть к чтению и любовь к поэзии свела Осокина с выдающимися писателями XVIII в., он был лично знаком с В. Тредиаковским, И. И. Дмитриевым, Г. Р. Державиным. Последнему он даже оказывал материальную помощь в годы, когда молодой поэт еще не пользовался известностью. Великолепный дом Осокина в Петербурге был местом встреч писателей и поэтов столицы. Сам хозяин дома тоже писал стихи. И. И. Дмитриев, оставивший описание встречи с И. П. Осокиным, отметил, что сам читал сочиненную заводовладельцем «„Пастушескую песню“, отысканную добрым Державиным в своих бумагах».

Дом Твердышева и Мясникова в Симбирске был лучшим в городе. Во время путешествия по Волге в 1767 г. Екатерина II, прибыв в Симбирск, остановилась в доме богатых заводовладельцев⁴⁰.

Как правило, первое поколение промышленников, основатели династий были невзыскательны относительно комфорта. Они еще лично выступали в роли организаторов производства и далеко не походили на мотов и чудаков типа Прокофья Демидова или Николая Гончарова. В быту некоторых богатых промышленников, например Максима Михайловича Походяшина, человека несомненно одаренного, сочетались переходные черты от богатого купеческого дома к барской усадьбе. Походяшин жил в Верхотурье в деревянном доме с тридцатью превосходно расписанными и меблированными комнатами. Купеческое хлебосольство и расточительность, когда речь шла о приеме, угощении и преподнесении подарка такому вельможе, как сибирский губернатор Д. И. Чичерин, сочетались с личной неприязнательностью, когда в доме не было гостей. Летом этот богач ходил в китайчатом халате, а зимой одевал нагольный тулуп, ездил на заводы на дровнях. Это нисколько не мешало ему держать в неоплатной кабале сотни людей, применять по отношению к ним жестокие наказания и даже пытки.

В итоге нам удалось осветить историю получения дворянских дипломов 16 представителями владельцев промышленных хозяйств России XVIII в., из которых в списке металлургов конца XVIII в. упоминается 11 фамилий. Если к этому прибавить Демидовых и Яковлевых, то в наличии окажется 13 фамилий, т. е. ровно столько, сколько одворянившихся промышленников можно насчитать в ведомости, составленной Берг-коллегией в конце XVIII в.⁴¹

³⁸ «Воспоминания Апполинария Петровича Бутенева», б. м., б. г., стр. 7—8.

³⁹ «Записки В. С. Хвостова», М., 1871, стр. 56.

⁴⁰ И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь, М., 1866, стр. 67—68.

⁴¹ «Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв.», Свердловск, 1956, стр. 36—103.

По данным этой ведомости, в частной металлургии России к исходу XVIII в. насчитывалось 56 промышленных хозяйств, находившихся в руках 40 фамилий: династия Демидовых владела шестью хозяйствами, по четыре было у Мосоловых и Баташовых, три у Яковлевых; по два — у Строгановых, Красильниковых и Хлебниковых. По сословному признаку представители 40 фамилий разбивались следующим образом: купцов было 10⁴², дворян — 30. В свою очередь, последних можно было разбить на три подгруппы: к первой в составе 10 фамилий мы отнесли потомственных дворян⁴³, во вторую подгруппу, численностью в 13 фамилий, включили одворянившихся буржуа⁴⁴; третья подгруппа представлена семью дворянскими фамилиями, заводы к ним попали в результате заключения брачных союзов.

Рассмотрим удельный вес перечисленных групп в промышленном производстве на 1795 г.

Наименование групп	Число фамилий	В % к общему числу	Продукция их предприятий			
			медь		чугун	
			в тыс. пудов	в % к общему количеству	в тыс. пудов	в % к общему количеству
Потомственные дворяне	10	25,0	0,6	0,3	0,6	10,2
Одворянившиеся буржуа	13	32,5	47,6	53,3	4,6	67,8
Дворяне, овладевшие заводами путем брачных союзов	7	17,5	28,2	31,3	0,6	10,2
Купцы	10	25,0	13,6	15,1	0,7	11,8
Итого:	40	100	90	100	5,9	100

В использованной нами ведомости перечислено 163 частных завода, из них купцам принадлежало только 23 предприятия, что составляло лишь 14,1% от их общего числа. Остальными 140 заводами владели дворяне, в том числе одворянившиеся промышленники — 108 предприятиями (66,2%), потомственные дворяне — 19 (11,7%), дворяне, получившие заводы в качестве приданного, — 13 (8%).

Из приведенных данных явствует, что основная масса промышленных предприятий и промышленной продукции сосредоточивалась в руках заводоладельцев из купцов и посадских, сумевших получить дворянские дипломы. Обращает на себя внимание необычайная концентрация производства. Так, Демидовы владели 29 предприятиями, Яковлевы — 23, Баташовы — 15, Осокины — 11, Мосоловы — 9.

Названными здесь фамилиями далеко не исчерпывается перечень купцов и промышленников, получивших дворянские звания. В 1738 г. Иван Затрапезный получил ранг коллежского асессора «за размножение им Ярославской полотняной фабрики». Известные откупщики Роговиков, Хлебников и Кишкин тоже получили дворянство. Первый из них умер в 1767 г. в ранге надворного советника, а два последних, будучи титулярными советниками, именным указом 18 января 1768 г. были пожалованы коллежскими асессорами⁴⁵. Кн. М. М. Щербатов в одном из своих сочинений перечислил девять богатейших купцов и откупщиков России, пожалованных в дворяне. Среди них встречаются но-

⁴² Боленс, Грибанов, Губин, Гусятников, Иноземцев, Кобелевы, Красильниковы, Курочкин, Попов, Чеканчиков, Шапкин.

⁴³ Всеволожский, Голицын, Долгорукий, Калинин, Кепонов, Сатин, Строгановы, Тевкелев, Хлебников, Шаховской.

⁴⁴ Баташовы, Глазов, Гончаров, Демидовы, Красильников, Лазарев, Лугинины, Мосоловы, Никонов, Осокин, Турчаниновы, Ширяев, Яковлевы.

⁴⁵ ЦГАДА. ф. Берг-коллегии, кн. 1250, л. 253; кн. 44, л. 245; кн. 45, л. 62.

вые для нас фамилии: Козьма Матвеев, Логинов, Барышников, Лукин, Мещанинов и Зубков ⁴⁶.

В XVIII в. абсолютизм признавал заслуги откупщиков в пополнении бюджета и щедро награждал их не только возможностью лично обогащаться, но и включением их в состав привилегированного сословия.

Более тщательное изучение вопроса, быть может, позволит выявить еще несколько десятков торгово-промышленных фамилий, чьи заслуги были оценены правительством пожалованием дворянского диплома. Но такой путь в дворянство был доступен все же лишь немногим представителям формировавшейся буржуазии, видимо, верхушке этого класса в лице богатых откупщиков и промышленников. Для последних получение дворянского диплома иногда носило формальный характер, вернее, означало лишь распространение на них прочих дворянских привилегий, ибо основной привилегией — правом эксплуатировать труд феодально зависимых людей они пользовались и до этого.

Менее богатые купцы и промышленники добивались чинов путем, широко используемым разночинцами — военной и гражданской службой. Со времени опубликования Табели о рангах процесс проникновения в дворянскую среду людей «подлой породы» протекал довольно интенсивно. Не подлежит сомнению тот факт, что интенсивность этого процесса находилась в прямой зависимости от расширения дворянских привилегий. На вакантные места, освобожденные дворянами в армии, флоте и гражданской службе, хлынули прежде всего разночинцы и отчасти посадские и крестьяне. Белевские дворяне, например, с тревогой отмечали в наказе своему депутату в Уложенную комиссию, что дворянский корпус России «едва не вполов» стал состоять «из неизвестных званий, а паче из приказных служителей, кои достигши до офицерских чинов и под тем званием накупя земель и крестьян, верстают себя в ряд с помещиками, включая в число благородного общества» ⁴⁷.

Цитированное заявление, видимо, грешит преувеличением, но о том, что пополнение рядов дворянства «подлородными» людьми приняло нежелательные для привилегированного сословия размеры, свидетельствуют многие другие указы дворян в Уложенную комиссию. В ее адрес посыпались предложения, реализация которых должна была затруднить доступ в дворянское сословие, с одной стороны, и ограничить привилегии так называемых новых дворян, — с другой.

Причину столь враждебного отношения потомственных дворян к расширению состава дворянского сословия установить нетрудно. Кстати, ее не скрывали и сами дворяне. Наиболее лаконично и в то же время исчерпывающе определил ее депутат от кромских дворян Похвиснев, заметивший, что «всякая вещь теряет свою цену, как скоро она делается многоупотребительною» ⁴⁸. Потомственные дворяне, в частности, связывали утрату прежнего значения своих привилегий с массовыми покупками крестьян выслужившимися в дворяне «подлыми» людьми; поэтому потомственные дворяне предлагали назначить определенный срок, в течение которого получившие дворянское звание разночинцы должны были продать таких крестьян ⁴⁹.

Непримиримость позиции, занятой дворянами в вопросе купеческого душевладения, связана с дворянским предпринимательством, расцвет которого падает на 50—60-е годы XVIII в. Злобные выпады дворян в адрес мануфактуристов, которые «накупив крестьян, живут единственно в увеселительных своих роскошах и лени», отражали острую борьбу между дворянским и купеческим предпринимательством. Дворяне стремились поставить свое предпринимательство в привилегированное по-

⁴⁶ М. М. Щербатов. Соч., т. I, СПб., 1896, стр. 624.

⁴⁷ Сб. РИО, т. 68, стр. 611.

⁴⁸ Там же, стр. 191.

⁴⁹ Там же, т. 4, стр. 210.

ложение, создать для него тепличные условия, в то время как купцы, напротив, домогались равных с дворянами условий производства — в частности обеспечения мануфактур принудительным трудом. Но в то же время купечество устами Родиона Глинкова, который наряду с Поповым выступил с изложением наиболее развернутой купеческой программы, соглашалось с переходом к наемному труду, но с тем непременным условием, чтобы дворяне тоже пользовались наемным трудом. «Следует постановить,— говорил он,— чтобы оные (мануфактуры — Н. П.) строились на одинаковом основании как купцами, так и дворянами, т. е. не своими крестьянами, которые отнимаются от хлебопашества»⁵⁰.

Ради каких преимуществ основная масса промышленников пускалась во все тяжкие, чтобы получить дворянский герб, что их привлекало в дворянском звании? Прежде всего возможность пользоваться основной дворянской привилегией, правом эксплуатировать крепостной труд и владеть землей. Этого рода требование промышленников полнее всего отражено в их «изъяснениях», поданных в Берг-коллегию в 1763 г.⁵¹. Не менее единодушными оказались и купцы, притязавшие в своих наказах в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. на землевладение и душевладение. О громадной заинтересованности промышленников в восстановлении права покупать землю и крепостных свидетельствует, наконец, интенсивность, с которой обзаводились недвижимой собственностью и крестьянами владельцы заводов, получившие дворянское звание.

Указом 17 февраля 1763 г. Екатерина II «в знак высочайшего удовольствия... ревностными трудами», выразившимися в распространении в России «разных государству и обществу полезных фабрик», разрешила в порядке исключения Афанасию Гончарову и его потомкам покупать крепостных⁵². Жадный стяжатель А. А. Гончаров широко использовал предоставленное ему право и в течение 70—80-х годов значительно округлил свои владения покупками земли и крестьян. Только с 1770 по 1779 г. А. А. Гончаров совершил девять купчих на землю и крестьян, израсходовав в общей сложности 103 655 руб. Самая крупная покупка была совершена в 1775 г., когда владения Гончарова пополнились 1096 д. м. п., жившими в Любимском уезде Костромской провинции. Эта сделка обошлась Гончарову в 55 тыс. руб.⁵³.

Землю и крепостных престарелый А. А. Гончаров продолжал покупать и в 80-е годы, но в скромном размере. С 1780 по 1783 г. он оформил шесть купчих на общую сумму в 9977 руб.⁵⁴.

Выше отмечалось, что А. Р. Баташов был «восстановлен» в дворянстве в 1783 г. А уже в следующем году новоиспеченный дворянин начал пожинать плоды своей принадлежности к привилегированному сословию; летом и осенью 1784 г. он оформил две купчих на крестьян и землю: у камергера Ф. П. Балка он купил 30 душ за 1200 руб., а у статского советника Алексея Вердеревского в Касимовском уезде сторговал 153 д. м. п. с землей за 8 тыс. руб. Свои возможности и аппетит Баташов в полной мере проявил в 1785 г., когда он купил у кн. Ю. Ф. Мещерского половину с. Гускова в Касимовском уезде с 1160 д. м. п. за 100 тыс. руб. В том же 1785 г. Баташов купил еще 344 д. м. п., которых тут же перевел на свой Гусевский завод⁵⁵.

Однако связывать тягу промышленников к дворянским дипломам

⁵⁰ Сб. РИО, т. 4, стр. 94.

⁵¹ См. Н. И. Павленко. Из истории социально-экономических требований русской буржуазии во второй половине XVIII в. «Исторические записки», т. 59.

⁵² ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 2, д. 145, л. 5.

⁵³ Там же, д. 175, 176, 185, 196, 199, 201, 203, 222, 223.

⁵⁴ Там же, д. 232, 233, 235, 236, 237, 240.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2178, лл. 15, 16; кн. 2175, лл. 561—562; К. К. Демин и Ховский. Источники и пути комплектования рабочей силы на заводах Приокского горного округа в XVIII в. Сб. статей «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)», М., 1958, стр. 479.

исключительно с возможностью обзаводиться «крещеной собственностью» было бы неправильно, ибо большинство промышленников, получив чины, все же были лишены права покупки крестьян.

Павел I в 1798 г. снял установленное в 1762 г. запрещение покупать крестьян к мануфактурам. Казалось, бы что этот указ должен был умерить соблазн промышленников проникнуть в ряды привилегированного сословия. Но интерес промышленников к дворянскому чину не ослабел и на этот раз. Следовательно, притягательная сила дворянского звания не исчерпывалась землевладением и душевладением. Думается, что проявление представителями формировавшейся буржуазии преступной изобретательности ради проникновения в благородное дворянство объяснялось также сословной неполноценностью промышленников и купцов, их бесправием по сравнению с дворянством. Чтобы убедиться в этом, достаточно беглого взгляда на наказания городских жителей в Уложенную комиссию, в которых протесту против «безгласия» купцов придавалось такое же значение, как и требованию восстановить право покупки крестьян. Купцы требовали освобождения от телесных наказаний, от служб и постоев, повышения штрафа за бесчестье, права носить шпаги.

Вершиной купеческих притязаний является наказ жителей Ряжска, которые предложили, чтобы всем заводчикам и фабрикантам «шляхетство пожаловать и деревнями наградить и уволить от всяких податей и подушных денег, также от солдатских и офицерских постоев и прочих земских и полицейских служб. Таким же образом наградить тех, кои вступят в иностранную и оптовую коммерцию»⁵⁶.

Процесс нобилизации верхушки русской буржуазии весьма показателен для характеристики расстановки социальных сил в России XVIII в. В наивном требовании болховских купцов издать указ, запрещающий дворянам называть купцов «мужиками», проглядывает глубокий смысл, стремление буржуазии отгородиться от народных масс.

Процесс одворянивания верхушки русской буржуазии, кроме того, отражал оригинальную эволюцию мануфактуры и связанных с нею социальных сил: наемные рабочие превращаются в крепостных, мануфактурист становится владельцем крепостных крестьян. В результате мануфактура в известной мере теряет свои первоначальные черты. В этом же направлении эволюционирует и часть владельцев мануфактур: купцы становятся дворянами. Из этого, конечно, не следует, что крепостные рабочие сливаются с массой крепостного крестьянства, а одворянившиеся промышленники ничем не отличаются от обычных помещиков.

В подавляющем большинстве случаев одворянивание промышленников не сопровождалось существенными изменениями в организации их хозяйства. Иногда, однако, промышленник, получив дворянский чин, полностью сливался с дворянским сословием, окончательно терял роль организатора производства и переходил к потребительскому образу жизни. Результаты такого рода одворянивания отражены в специальном сочинении М. М. Щербатова «Размышление о ущербе торговли, происходящем выходе великого числа купцов в дворяне и в офицеры», в котором он доказывает, что приобретение дворянских чинов привело к изыманию из торгового оборота более 10 млн. руб., так как новоиспеченные дворяне «отстали» от торговли. Подобное явление Щербатов наблюдал и в промышленности, где, по его выражению, множество заводчиков и их детей, «яко Турчанинова и Походяшина и прочих, которые чины офицерские получили, от заводов своих отстали, и капиталы, которые бы принуждены были употребить в торги, от оных отвратили»⁵⁷.

⁵⁶ Сб. РИО, т. 144, стр. 241.

⁵⁷ М. М. Щербатов. Соч., т. 1, стр. 620—624.